

Не виделись они всего день, но Люй Бувэй, едва взглянув на Цинь Цзычу, сразу заметил перемену. Тот буквально светился от радости — легко, беззаботно, будто разом сбросил с плеч все тяготы подлунного мира.

Люй Бувэй невольно озадачился и полюбопытствовал:

— Господин, неужели за этот день случилось что-то из ряда вон выходящее?

Цзычу посмотрел на него, и его улыбка стала ещё шире. В душе он ликовал:

"Всё ещё сомневаешься, от кого понесла Чжао Цзи? Что ж, ломай голову дальше, дорогой мой. Но великий правитель, будущий покоритель Поднебесной — мой сын! Самый что ни на есть мой!"

Однако вслух он лишь покачал головой:

— Нет, ничего особенного.

— Ну а если... не из ряда вон? — настойчиво допытывался Люй Бувэй.

От этого расспроса Цзычу слегка опешил, и безумный восторг в его душе наконец поутих. Он поспешил скрыть чересчур восторженную ухмылку, хотя в глубине его глаз всё ещё плясали весёлые искорки.

— Вчера я вернул матушку моей супруги, — мягко пояснил Цзычу. — И Чжао Цзи заметно приободрилась. Сегодня она даже помогала мне в занятиях. Очарование женского присутствия за книгой... Думаю, Великий наставник прекрасно меня понимает. Моя радость — лишь отражение её счастья.

Люй Бувэй бросил мимолётный взгляд в сторону покоев Чжао Цзи и едва заметно нахмурился. Но стоило ему повернуться к Цзычу, как на его лице снова заиграла благожелательная улыбка.

— Вы необычайно внимательны к супруге, господин. Это делает вам честь.

Цзычу согласно кивнул, с удовольствием подсыпая соли на рану собеседника:

— Да, я души в ней не чаю. Её улыбка для меня — лучшая награда. Ах, встретить Чжао Цзи... Поистине, благословение небес!

Люй Бувэй незаметно стиснул кулаки под широкими рукавами, но сохранил невозмутимый вид.

— И всё же, господин, быть может, вы поведаете мне о том, что действительно привело вас в такой восторг?

Разумеется, Цзычу не собирался выкладывать правду в духе: «Едва я вижу тебя, сразу

вспоминаю, как долго ты грел постель Чжао Цзи, но мои семена оказались куда живее твоих, так что ребёнок под её сердцем — мой». Подобное откровение мигом разрушило бы их хрупкий политический союз. Вместо этого он склонился к самому уху Люй Бувэя и заговорщически прошептал:

— Когда я забирал матушку супруги, знаете, кого я встретил, Великий наставник?

До обоняния Люй Бувэя донёлся тонкий, едва уловимый аромат благовоний, исходивший от юноши. Разум торговца на миг затуманился. Сделав невольный глубокий вдох, он всем телом подался навстречу Цзычу.

— И кого же, господин? — с лёгкой хрипотой в голосе спросил он.

Цзычу слегка повернул голову, одарив его мягкой улыбкой, и заговорил ещё тише:

— Человека исключительной важности. Он способен обеспечить нам милость государя, едва мы ступим на землю Цинь. Но чтобы извлечь из этого выгоду, вам, Великий наставник, придётся вывезти нас отсюда как можно скорее...

Тёплое дыхание коснулось щеки Люй Бувэя. Кожу опалило жаром, который мгновенно отозвался внизу живота. Торговец неловко заёрзал на сиденье, пытаясь лапами халата скрыть внезапное смущение. С трудом собирая разбегающиеся мысли, он выдавил:

— О чём именно речь, господин?

Поняв, что наживка заглочена, Цзычу усмехнулся, отстранился и резко повернулся к окну кареты. Лицо его вмиг исказилось притворным гневом, и он зычно закричал:

— Паршивый раб! А ну тащи сюда свою шкуру! Оскорбил меня, а теперь вздумал прикидываться дохляком?!

Этот громогласный окрик раскатился, пожалуй, на пол-улицы. Из-за кареты тут же выскочил Чжан Ли. Скорчив жалобную мину, он припустил следом, хромая и спотыкаясь так достоверно, словно его только что нещадно побили. Он явно выбивался из сил, силясь догнать карету, но та упрямо катилась вперёд.

На лице Цзычу заиграла злая, глумливая улыбка. Ткнув пальцем в сторону окна, он приказал кучеру:

— Придержи коней! Пусть этот калека попробует залезть.

Кучер бросил вопросительный взгляд на Люй Бувэя. Тот махнул рукой, веля исполнять. Лошади пошли тише, и Чжан Ли, нелепо извиваясь и цепляясь за борт, наконец ввалился в карету. В последний момент он нарочно зацепился ногой за порог и с грохотом распластался прямо перед Цзычу.

Цзычу залился издевательским, громким хохотом, указывая пальцем на распростёртого бедолагу.

Люй Бувэй молча наблюдал за этим зрелищем, хмурия брови. В его душе шевельнулось сомнение:

"Что за странная перемена? Он словно притворяется кем-то другим... Выглядит фальшиво"

Убедившись, что снаружи их никто не может подслушать, Цзычу мгновенно стёр с лица шутовскую маску. Склонившись к спутнику, он торопливо зашептал:

— Великий наставник, познакомьтесь — это господин Чжан Ли. От него я узнал, что канцлер Фань Суй, пользующийся безграничным доверием нашего правителя, тайно подкуплен царством Чжао. Он замышляет оклеветать Бога войны, господина Уаня, и погубить его. Если мы успеем вернуться в Цинь и сорвём этот заговор, признательность государя нам обеспечена. Но у стен есть уши, поэтому мне пришлось разыграть этот спектакль и прилюдно унижить господина Чжан Ли. Прошу вас, заберите его пока к себе, чтобы ему не пришлось сносить мои фальшивые оскорбления.

Изумлённый Люй Бувэй тут же принялся расспрашивать Цзычу обо всех подробностях дела. Чжан Ли, хоть и понимал, что в речах юного принца добрая треть — чистой воды выдумка, продолжал безмолвно стоять на коленях, низко склонив голову, и ни единым словом не выдал своего удивления.

Как опытный стратег, Чжан Ли прекрасно понимал: Люй Бувэй — всего лишь чужак, вэйский купец, преследующий собственную выгоду. Они же с Цзычу — уроженцы Цинь. Сама судьба связала их узами крови и земли, и принц подсознательно всегда будет доверять соплеменнику больше, чем алчному торговцу. А значит, и ему самому следовало хранить безусловную верность государю.

Вникнув в суть дела, Люй Бувэй всерьёз задумался о немедленном побеге. Сколько бы золота он ни тратил на лазутчиков, их сведения никогда не отличались такой точностью. Вести, принесённые Чжан Ли, не оставляли сомнений: масштабное столкновение между Цинь и Чжао разразится куда раньше, чем предсказывали его собственные осведомители.

В мирные дни стража в Ханьдане бдительна, но не до такой степени, как во время осады. С другой стороны, пока не началась война, у властей Чжао развязаны руки — они без труда могут направить целые отряды на поиски беглого циньского заложника.

Немного поколебавшись, Люй Бувэй всё же решил повременить. Стоило дожидаться момента, когда весть о циньском наступлении громом поразит Ханьдань. Когда чужеземные купцы в панике бросятся спасать свои жизни и имущество — вот тогда и настанет их час.

В дорожной суматохе и неразберихе затеряться проще всего. Смешавшись с караванами беженцев, они легко проскочат заставы: у чжаоских досмотрщиков попросту не хватит времени проверять каждого встречного.

Приняв решение, Люй Бувэй почтительно поклонился Цзычу и Чжан Ли.

— Прошу вас, господин, и вас, почтенный Чжан Ли, не горячиться. Каким бы быстрым ни казалось дело, ваша безопасность, принц, превыше жизни господина Уаня. Позвольте мне для начала разузнать точные сроки наступления циньских войск. Когда Ханьдань погрузится в хаос и купцы бросятся вон из города, мы уйдём вместе с ними. Так мы не только сохраним головы, но и сможем перебраться через линию фронта напрямик в лагерь циньской армии. Стоит вам открыть своё имя командующему, и он тут же выделит надёжную охрану, которая доставит вас к государю. Согласитесь, явиться во дворец под защитой верных легионов куда надёжнее и весомее.

Цзычу рассуждал схожим образом. Как ни заманчива была мысль спасти легендарного воителя Бай Ци, собственная шкура всё же была ему дороже.

Доводы Люй Бувэя полностью совпадали с его планами, однако соглашаться сразу принц не спешил. Чжан Ли только-только примкнул к ним в качестве советника, и Цзычу, желая показать себя мудрым и внимательным к подчинённым господином, решил сперва выслушать его мнение.

Повернувшись к Чжан Ли, он спросил с предельной искренностью в голосе:

— Что скажете, почтенный? Хорош ли план Великого наставника?

Чжан Ли согласно кивнул:

— Намерения Великого наставника Люя разумны. Однако я полагаю, что кое-какие приготовления можно начать уже сейчас. Поскольку господин Люй — купец, чьи повозки ежедневно снуют туда и обратно через городские ворота, у него наверняка налажены тесные связи со стражей. Раз уж мы решили бежать, вам, господин Люй, стоит сделать вид, будто вы постепенно сворачиваете дела. Постройте за пределами городских стен незаметное прибежище и потихоньку перевозите туда ценности. Заодно навестите своих влиятельных знакомых в Ханьдане, вручите им прощальные дары, дабы в нужный час они закрыли глаза на ваш отъезд. Тогда наше бегство покажется самым обычным делом, и даже присутствие принца в вашей повозке никто не сочтёт подозрительным.

Люй Бувэй благожелательно закивал, расточая похвалы:

— Почтенный Чжан Ли зрит в самый корень! Мой скромный ум не додумался бы до столь тонких ходов. С таким советником вы, господин, поистине обрели крылья.

Однако, несмотря на внешнее радушие, слова Чжан Ли оставили в душе Люй Бувэя неприятный осадок.

Каким бы баснословным богатством ни владел вэйский торговец, он оставался всего лишь купцом с узким кругозором. У него не было за плечами глубокого учения у великих мудрецов. И как бы тонок ни был его деловой расчёт, в искусстве высокой стратегии он явно уступал настоящему книжнику. Пытаясь рассуждать о делах государственных, Люй Бувэй невольно выставлял напоказ свою главную слабость — привычку решать любые проблемы

исключительно мешками с золотом.

Что до Чжан Ли, то он, будучи советником при военачальниках, привык рубить правду-матку с плеча. Служа господину Пинъюаню в чужой стране, он ещё помнил об осторожности, но рядом с циньским принцем окончательно расслабился. Его острый ум и излишняя откровенность теперь так и сквозили в каждом слове.

Вместо того чтобы скромно умолкнуть после похвалы, он увлечённо продолжил:

— Коль скоро сегодня вечером Великий наставник устраивает пир для принца и его надзирателя, чиновника Гунсунь Цяня, почему бы прямо за столом, когда вино ударит им в головы, официально не объявить о своём скором отъезде? Когда у Гунсунь Цяня в руках окажется щедрая мзда и ласковые девицы, он окончательно потеряет бдительность. Пусть думает, будто принц лишается вашей поддержки и снова остаётся ни с чем. Лишившись вашего покровительства, Цзычу в его глазах превратится в нищего заложника, из которого больше не вытрясти ни единой монеты. А раз поживиться нечем, то и докучать частыми проверками он не станет.

Цзычу был в полном восторге от изворотливого ума стратегов той эпохи. Он восхищённо хлопнул в ладоши:

— Небеса послали мне вас, почтенный Чжан Ли! Ваша предусмотрительность не знает границ.

В глубине глаз Люй Бувэя промелькнула тёмная, зловещая тень. Однако на его лице по-прежнему сияла улыбка, словно он искренне радовался тому, что принц обрёл столь ценного помощника.

Но в уме торговца уже созрел коварный план, как избавиться от нежелательного соперника.

Люй Бувэй громко, нарочито небрежно произнёс:

— Раз уж этот негодный раб так досадил вам, господин, отдайте его мне. Завтра же продам его на невольничьем рынке, чтобы он больше не мозолил вам глаза.

Цзычу, не подозревая о тайном умысле купца, решил, что тот подыгрывает его давешней затее, и сварливо бросил:

— Забирайте его с глаз долой, Великий наставник! Видеть его больше не могу, один вред от него!

Чжан Ли тут же жалобно заскулил, моля о пощаде. Разыгрывая это представление без единой запинки, они благополучно добрались до усадьбы Люй Бувэя.

Люй Бувэй учтиво поддержал Цзычу под локоть, помогая сойти на землю. Затем он смерил Чжан Ли высокомерным взглядом и, криво усмехнувшись, приказал слугам:

— Уведите этого оборванца. И закройте покрепче, чтоб не вздумал сбежать.

Поймав этот ледяной взгляд, Чжан Ли похолодел: в мыслях пронеслось недоброе предчувствие. Однако он ничем не выдал своего страха — лишь покорно, ссутулившись, поплёлся вслед за челядью на задний двор. Решив, что пленник слишком напуган и слаб, слуга не стал утруждать себя лишними заботами. Он просто толкнул Чжан Ли в деревянный сарай, даже не заперев засов, и буркнул:

— Посиди пока здесь. Позже займёшься колкой дров.

— Слушаюсь, всё исполню, господин! — залебезил Чжан Ли, согнувшись в три погибели. Но едва шаги слуги затихли за углом, он бесшумно выскользнул наружу, перемахнул через невысокую глинобитную стену усадьбы и растворился в переулках.

Между тем Цзычу прошёл в парадный зал. Вскоре туда пожаловал и тот самый пресловутый надзиратель — Гунсунь Цянь. Вид у него был самый заурядный: сухопарый, невзрачный, с блеклыми, вечно бегающими глазками, в которых так и читалась ненасытная жадность.

— Ха-ха-ха! Какая встреча, принц! — слащаво заверещал Гунсунь Цянь, бесцеремонно придвигаясь к Цзычу и бесстыдно протягивая к нему раскрытую ладонь. — Что-то мошна моя в последнее время совсем опустела... Не подкинет ли мне многоуважаемый принц немного золотишка на мелкие расходы?

<http://bllate.org/book/18277/1750275>